

Книга из списка бестселлеров
"USA Today" и "New York Times"!

Он отрекся от своего имени и своей жизни,
чтобы быть рядом с ней...

Джулия была той женщиной, которую Эдвард так страстно желал всю жизнь. Их первый поцелуй, запретный и оттого невероятно сладкий, — единственное, что осталось у Эдварда после той встречи в саду. Тогда девушка думала, что дарит свое тепло возлюбленному Альберту, а не его брату-близнецу Эдварду. Медовая сладость губ Джулии спустя годы все еще терзает сердце Эдварда. Внезапно Альберт умирает, и брату выпадает шанс стать законным мужем любимой женщины. Но выбор жесток: сладкий обман или горькая правда?

Он поднял ее на руки, как будто она весила не больше пушинки, и огляделся, не зная, что делать дальше. Ее сердце колотилось, пальцы сжимали его плечи. Альберт не носил ее на руках со времен их первой брачной ночи, когда он отнес ее на кровать...

Ей стало теплее от мысли, что они снова сближаются как муж и жена. Конечно, пока что они не были на грани безумной страсти.

Широким уверенным шагом Альберт направился к кровати и положил ее так бережно, как будто она была стеклянной вазой, изысканной и хрупкой.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4117-6

9 786171 241176

Лорен Хитт

Горький привкус его поцелуев

Лорен Хитт

Горький привкус
его поцелуев

КЛУБ
СІМЕЙНОГО
ДОЗВІЛЛЯ

Lorraine Heath

*The Earl
Takes All*

A Novel

Лорен Хитт

*Турький привкус
его поцелуев*

Роман

УДК 821.111
ББК 84.7США
Х52

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения Avon,
an imprint of “HarperCollins Publishers”

Переведено по изданию:
Heath L. The Earl Takes All: A Novel / Lorraine Heath. —
New York : Avon Books, 2016. — 384 p.

Перевод с английского *Карины Меньшиковой*

ISBN 978-617-12-4117-6
ISBN 978-0-06-239103-2 (англ.)

- © Jan Nowasky, 2016
- © Jon Paul, обложка, 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Посвящается удивительной Джесси Эдвардс

Пролог

В холодный и мрачный вечер 15 ноября 1858 года жизнь Эдварда Олкотта изменилась навсегда. От полного отчаяния его спас брат Альберт. В ночь, когда их родители погибли в ужасном железнодорожном происшествии, брат-близнец, будучи старше Эдварда всего на один час, стал графом Грейлингом в возрасте семи лет.

Через несколько дней Альберт держал Эдварда за руку, когда они послушно сидели перед гробами их родителей. Вечером после похорон Альберт забрался к Эдварду в постель, чтобы ни один из них не чувствовал себя потерянным и одиноким. Пока они ехали в Хэвишем-холл, чтобы стать подопечными маркиза Марсдена, именно Альберт невольно разрешил Эдварду излить свой гнев и разочарование от несправедливости жизни. Они постоянно толкали и били друг друга, пока солиситор¹, с которым они путешествовали, не рассадил их в разные углы. Оставшись на попечении маркиза, вдали от родного дома, Альберт уверил Эдварда в том, что все будет хорошо, что их жизни связаны еще с утробы матери и поэтому они всегда будут вместе. Альберт был его якорем, его утешением, единственным, кто неизменно находился рядом с ним.

А теперь она украла его у Эдварда благодаря своим шелковистым черным волосам, изумительным голубым глазам, сладкому смеху и нежной улыбке. Леди Джулия Кенни. Альберт был ослеплен ее красотой, ее изяществом и обаянием. Это позволило ей занять бóльшую часть времени брата

¹ Солиситор (англ. *solicitor*) — категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами — адвокатами высшего ранга. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

прогулками в парке, катанием по Темзе, посещениями театров, ужинами и, упаси господи, поэтическими вечерами. Она ограничила его общение с близкими, заставила отказаться от пристрастия к выпивке, блюду, азартным играм и путешествиям. Через шесть недель герцог Эшбери, виконт Локсли и Эдвард отправлялись в поход на Дальний Восток. Эдвард хотел, чтобы Альберт присоединился к ним. Он и собирался это сделать, пока леди Джулия не попросила его не уезжать. Альберт в мгновение ока отменил все планы на совместную поездку, дабы исполнить ее желание.

Ей удалось обвести брата вокруг пальца, лишь слегка хлопав ресницами и взмахнув веером. Это недопустимо. Женщина не должна в такой степени влиять на мужчину и контролировать его жизнь.

Эдвард не знал, почему он последовал за ней из праздничного зала в тихий тенистый сад, почему остановился, наблюдая, как она сошла с тропинки и скрылась среди зарослей кустарников и трельяжей с розами. Он знал только то, что не может потерять Альберта.

С минуту поколебавшись, Эдвард пошел к затененному месту, куда вел слабый свет газовых ламп. Он ступал осторожно, а когда его глаза привыкли к темноте, увидел, как она откинулась на кирпичную стену. Губы Джулии расплылись в оборотительной улыбке, а сама она выглядела чрезвычайно довольной, когда заметила его.

Он подошел ближе и, несмотря на темноту, увидел обожание в ее глазах. Ни одна другая женщина никогда не смотрела на Эдварда так, как будто каждый ее вдох был сделан ради него одного; так, как будто она существовала только для его удовольствий. Он почувствовал, как все внутри него сжалось, а по телу разлилось пьянящее чувство превосходства и решительности.

— Я думала, ты никогда сюда не придешь, — ангельским голосом прошептала она.

Прежде он не испытывал подобного искушения. Казалось, все силы покинули его, и он не мог сопротивляться сирене, представшей перед ним. Он ничего не понимал. За все свои двадцать три года он не встречал женщину, способную вызвать

в нем такой водоворот ошеломляющих и тревожных эмоций. Эдвард должен был уйти, но она притягивала его, словно была создана для него богами.

Эдвард взял ее лицо в свои ладони, ощутил ее ритмичный пульс и провел большим пальцем по ее щеке. Джулия мягко вздохнула и одарила его томительным взглядом.

Он знал, что это неправильно, знал, что будет жалеть об этом, но не мог мыслить и действовать рационально. Наклонившись, он взял то, на что не имел никакого права. Он прикоснулся к ее губам так, как будто они всегда принадлежали и будут принадлежать ему.

Она снова вздохнула. Ее мягкое мяуканье отозвалось в нем яростным желанием. Притянув ее ближе, он наклонил голову и поцеловал ее глубже, скользнув языком в ее сочный рот. По вкусу она напоминала дорогое шампанское с нотками клубники. Ее тонкие руки обхватили его шею, а пальцы впились в густые светлые кудри. На этот раз ее вздох превратился в приветственный стон. Время, казалось, застыло, как часы в Хэвишем-холле. Ни тиканья, ни движения рук, ни звона колоколов.

Он хотел остаться здесь навсегда. Хотел, чтобы эта и каждая последующая ночь принадлежала только им.

Оторвавшись от нее, он оказался под ее томным взглядом. Она коснулась пальцами завитков на его виске. Какая нежная ласка! Джулия нежно улыбнулась и прошептала:

— Я так сильно люблю тебя, Альберт.

Имя брата на ее устах было сравнимо с ударом в живот, и он чуть было не упал на колени. Ее слова не предназначались ему. Ее страсть, ее искра, ее желание не принадлежали ему. Каким же невероятным глупцом он был, даже на секунду представив себе, что они могут быть вместе! Не то что бы он собирался открыться и показать, какое влияние она имела над ним, как сильно он ее желал.

Он заставил себя торжествующе ухмыльнуться. «Если бы ты действительно любила его, ты бы смогла различить нас», — подумал он. Эш и Локк могли. Даже безумный маркиз Марсден, который был их опекуном, мог распознать их.

— Эдвард? — прохрипела она так, как будто ее ужин прямо сейчас мог оказаться на лужайке.

Ее очевидное отвращение нанесло тяжелый удар по его гордости. Сохраняя невозмутимость, он театрально поклонился и сказал:

— К вашим услугам.

— Вы — чудовище! — Она отвесила ему пощечину с такой силой, что он пошатнулся.

Склонив голову набок, он произнес:

— Вам понравилось, Джулия.

— Я — леди Джулия. А когда выйду замуж за Альберта, то стану леди Грейлинг. Я настаиваю на том, чтобы вы обращались ко мне должным образом. И мне, безусловно, все это не понравилось.

— Лгунья.

— Почему вы совершаете такие ужасные поступки? Почему пользуетесь своим преимуществом? Как вы можете быть таким вероломным и жестоким?

Потому что он никогда не мог отказаться от желаемого. И внезапно захотел получить ее, отчаянно и страстно.

— Что здесь происходит? — раздался рядом глубокий голос.

Эдвард развернулся и увидел Альберта, стоящего в нескольких футах от него. Брат не выглядел сердитым, на его лице застыло насмешливое выражение. Казалось, он даже помыслить не мог, что Эдвард может поцеловать его невесту.

— Я ждала тебя, как мы и договорились, — сладко произнесла Джулия, направляясь к Альберту. Ее лицо светилось от обожания, и это ранило и уязвляло Эдварда. — Твой брат проходил мимо и решил рассказать мне о путешествии на Дальний Восток. Похоже, такой шанс представляется только раз в жизни. Он так хочет, чтобы ты отправился с ними.

Эдвард был признателен ей за эту ложь, но в то же время ненавидел возникшее у него чувство благодарности, хотя он понимал, что Альберт никогда не простит его, если узнает, как он воспользовался ситуацией. Он задавался вопросом, почему она не рассказала о случившемся, почему не попыталась

рассорить братьев, которых было невозможно разделить. Почему она поощряла Альберта отправиться с ним в поход?

— Ты — мое приключение, — сказал Альберт и перевел взгляд на Эдварда: — Я уже говорил тебе, что потерял интерес к путешествиям. Мне не нравится, что ты действуешь через Джулию, чтобы заставить меня передумать. А теперь уходи, я хочу, чтобы мое небольшое свидание с невестой прошло так, как мы и запланировали.

— Альберт...

— Оставь нас, Эдвард.

По ноткам нетерпения в голосе брата Эдвард понял, что если он продолжит говорить, то это лишь отдалит Альберта от него. Откланявшись, он оставил их под тенью роз.

Ему нужен стакан скотча. А лучше — целая бутылка. Он желал напиться до беспамьятства, чтобы забыть тепло Джулии в его объятиях и ее вкус на его губах. Он хотел забыть, что когда-либо желал, чтобы она принадлежала ему.

Глава 1

«Мистер Эдвард Олкотт, брат графа Грейлинга, преждевременно скончался во время своего последнего странствия по Африке. Печальным является тот факт, что в течение своих двадцати семи лет он не смог совершить ничего примечательного».

Некролог в газете «Таймс», ноябрь 1878 года

* * *

Ему срочно нужен скотч.

Но долг требовал, чтобы он оставался в Эверморе, их родовом поместье в Йоркшире, и выражал благодарность тем немногочисленным лордам и леди, которые присутствовали на похоронах его брата-близнеца.

— Рад, что это был не ты, Грейлинг.

— Такой прекрасный танцор, хоть порой и переступал рамки приличия во время вальса.

— Жаль, что он ушел, ничего не достигнув.

— Он спаивал меня больше раз, чем я могу сосчитать, говорю тебе.

Признания продолжали сыпаться на него, рисуя портрет прожигателя жизни и повесы. Не то чтобы графа когда-либо раздражали высказывания о том, как ведет себя младший брат. Но сегодня, будучи невероятно правдивыми, эпитафии докучали ему.

Друзья его детства, герцог Эшбери и виконт Локсли, стояли рядом и также принимали соболезнования, поскольку все знали, что эти четверо были друг другу как братья и воспитывались отцом виконта. Хотя ему не представилась возможность поговорить с ними до похорон, он уже хотел, чтобы они уехали. Однако вместе с Минервой, женой Эша, они останутся здесь на ночь. Джулия пригласила их погостить, думая, что муж захочет провести время с ними. Она ошиблась, но он знал, что за ее поступком стояли благие намерения.

Любезно выражая свою признательность тем, кто пришел, она оставалась идеалом красоты даже в черном. На ее плечи легла забота о проведении всех мероприятий, рассылка траурных приглашений, общение с викарием касательно службы и забота о том, чтобы гости могли утолить жажду перед отъездом домой. В течение всего дня у него не было возможности остаться с ней наедине, но он, честно говоря, даже не знал, что сказать ей. После его возвращения между ними все чаще повисало неловкое молчание. Он понимал, что нужно измениться, причем сделать это быстро.

Когда последняя карета покатила по дороге, Джулия подошла к нему, обняла за плечи и слегка сжала их.

— Я рада, что все закончилось.

Даже с округлившимся животом она оставалась самой изящной женщиной, какую он когда-либо видел. Она протянула руку в черной перчатке к его лицу и дотронулась до щеки.

— Ты выглядишь уставшим.

— Долгая выдалась неделька.

Он вернулся из путешествия десять дней назад. Он скорбел всю долгую и трудную дорогу домой. Сегодняшний день

был лишь формальностью, чем-то, что следовало пережить, прежде чем двигаться дальше.

— Тебе не мешало бы выпить, — сказал Эш, когда он, его жена и Локк присоединились к ним.

— Я знаю, — заверил он своего давнего друга. Он провел их в холл и, обняв Джулию за талию, сказал: — Вы нас извините, дамы?

Джулия колебалась. В ее прекрасных голубых глазах роилась тысяча вопросов. Он не собирался избегать ее, но отчаянно хотел выпить и надеялся, что она ошибочно примет это за желание провести время наедине со своими друзьями. Внимательно посмотрев на него, она кивнула:

— Да, конечно. — А затем, повернувшись к Минерве, мягко улыбнулась и сказала: — Я попрошу принести нам чаю.

— Мы скоро, — заверил он женщин и направился вперед по коридору. Друзья не отступали от него ни на шаг.

Войдя в библиотеку, он бросился к буфету, разлил скотч в бокалы и поднял свой со словами:

— За моего брата. Пусть он покоится с миром. — И одним глотком выпил его содержимое.

Эш сделал небольшой глоток и, выгнув бровь, произнес:

— Такое вряд ли произойдет. Эдвард, что ты замыслил?

Он застыл, судорожно пытаясь придумать, как снять с себя подозрения, но на карту было поставлено слишком многое. Он подошел к окну и устремил свой взгляд на шпиль деревенской церкви, где всего несколько часов назад прошли его похороны. Вдалеке виднелась дорога, по которой черный стеклянный катафалк вез гроб, полированный шеллачной политурой, с рельефными лепными украшениями и блестящими металлическими ручками. Плакальщики сопровождали его к семейному мавзолею.

— Когда ты понял, что я не Альберт?

— Незадолго до начала похорон, — ответил Локк.

— Ты что-нибудь сказал Джулии?

— Нет, — заверил его Эш. — Мы думали, что лучше держать наши подозрения при себе, пока мы не убедимся в своей правоте. Что, черт возьми, здесь происходит?

— Я пообещал Альберту перед смертью, что сделаю все, что в моих силах, чтобы Джулия не потеряла ребенка, — ответил он. — За время их короткого брака у нее случилось три выкидыша. И нам показалось, что единственный способ не волновать ее в этот период — выдать меня за него. Мне нужно знать, как ты догадался, что я — это не он. Если Джулия что-то заподозрит...

— Ты сошел с ума? — взревел Эш.

— Говори тише, — предупредил он. Ему не хотелось, чтобы слуги подслушали их разговор.

— Ты действительно веришь в то, что сможешь обмануть Джулию и она поверит, что ты — это Альберт?

Он делал это уже целую неделю. Он убедил всех: слуг, викария, нескольких плакальщиков, Джулию. Но не этих двоих, в чем и заключалась его проблема. Он развернулся и заявил:

— Альберт не дал мне выбора, я должен выполнить его просьбу.

— У нее уже слишком большой срок для выкидыша, — заметил Локк, стоявший плечом к плечу с Эшем, словно вместе они могли убедить его в безрассудстве принятого решения. Как будто он не знал об этом сам.

Эдвард сердито посмотрел на него:

— Можете пообещать, что сохраните все в тайне? Вы знаете, как она его любит и как сильно он любил ее. Разве ее сердце не разобьется, если она узнает, что его убили? Разве ей не может стать плохо от горя?

Тяжело вздохнув, Локк двинулся к буфету, схватил графин и налил себе еще скотча. Хотя Эдвард знал, что он попал в точку, это не принесло ему желаемого удовлетворения.

— Ты хоть представляешь себе, что будет с Джулией, когда этот обман раскроется? — спросил Эш.

Вот об этом он думал все время — и когда пробирался сквозь джунгли с телом брата на руках, и когда плыл в Англию, и когда ехал в фургоне с гробом, в котором покоилось тело графа Грейлинга.

— Ее мнение обо мне станет еще хуже. Я думаю, что она запустит в меня первым попавшимся под руку предметом,

чтобы нанести смертельную рану. Она будет опустошена, ее сердце разобьется, а жизнь погаснет.

— Именно поэтому ты должен во всем признаться и сейчас же прекратить этот обман.

— Нет.

— Тогда это сделаю я, — заявил Эш и направился к двери.

Эдвард преградил ему путь, когда он потянулся к задвижке.

— Только прикоснись к двери — и живо окажешься на полу.

Эш уставился на него:

— Я отказываюсь принимать в этом участие.

— Возможно, ты старше и носишь более высокий титул, но это тебя не касается.

Покачав головой, Эш выпятил подбородок:

— Напротив, очень даже касается. Локк, скажи ему, что он дурак и не должен этого делать.

— К сожалению, я с ним согласен.

Ошеломленный, Эш повернулся к Локку. Человек, во мнении которого он не сомневался и считал своим союзником, присел на край стола с бокалом скотча в руках.

— Ты не думаешь, что это плохая идея?

— Я убежден, что это худшая идея, которая может прийти в голову англичанину, отправившемуся в крестовый поход. Но он прав. Это не наше дело, и у нас нет права голоса.

— Может, тебя и не заботит Джулия. Но мне не все равно.

— А если Эдвард прав и известие о смерти Альберта отразится на ее беременности? Если она потеряет последнее, что их связывало? Кем ты будешь себя чувствовать?

Эш обмяк и отступил назад.

— Я любил Альберта, как брата.

— Любить кого-то, как брата, — это не то же самое, что быть его братом, — сказал Локк. — Не говоря уже о том, что нас не было вместе с Альбертом, когда он испустил последний вздох. Мы не слышали последних слов Альберта и не были свидетелями отчаяния, которое могло привести его в замешательство.

— «Стань *мной*, — задыхаясь, шептал он. — Стань *мной*». — Эдвард никогда не представлял себе, сколько силы можно вложить в два маленьких слова из девяти букв.

— Почему ты всегда так чертовски логичен? — спросил Эш. Локк поднял свой бокал:

— На твоём месте я бы не жаловался. Моя логика помогла тебе завоевать жену.

Покачав головой, Эш снова обратился к Эдварду:

— Ты действительно хорошо подумал? На каком она сроке? Между шестым и восьмым месяцем? Тебе придется несколько недель изображать любовь к Джулии, хотя вы двое никогда не ладили и весь Лондон знает, что вы едва можете находиться в одной комнате, — сказал он, искренне веря, что Эдвард поставил перед собой непосильную задачу.

Если бы все было так просто. После того неожиданного поцелуя в саду несколько лет назад она едва терпела его присутствие. Не то чтобы он винил ее. В течение всего этого времени его поведение было далеким от идеала.

— Я обдумал все варианты.

Эш нахмурился и сжал руки в кулаки:

— Если ты будешь придерживаться взятого тобой курса, катастрофы не избежать.

— С катастрофой я как-нибудь справлюсь. Главное — избежать ее до рождения ребенка. Я знаю, это будет непросто. Последние десять дней были ужасными: я пытался вести себя рядом с ней, как Альберт, и знаю, что справился не слишком хорошо, потому что она изучает меня как головоломку, которую не может разгадать. Я полагаю, что она объясняет мое странное поведение пережитым от потери брата горем. Но я знаю, что не могу и дальше использовать это как оправдание. Поэтому мне нужно знать, чем я выдал себя. Как вы поняли, что перед вами я, а не Альберт?

— Я не знаю, смогу ли помочь тебе, — сказал Эш. — Обман мне не по душе.

— Ты думаешь, мне все это нравится? — В голосе Эдварда слышались боль и отчаяние, сопровождавшие его все эти недели самобичевания. — Я убедил его пойти со мной, пресле-

дую эгоистичную цель — попутешествовать с ним в последний раз. Я хотел, чтобы он выбрал меня, а не ее. И это стоило ему жизни. Все, на что я могу рассчитывать сейчас, это сделать так, чтобы моя затея не стоила ему еще и жизни его ребенка. Ребенок — это единственное, что осталось от моего брата. Я бы отдал все, чтобы оказаться на его месте, но прошлое не изменишь. Поэтому я могу сделать для брата только одно — сдержать данное ему обещание. Неважно, какой ценой. Неважно, какой безумной кажется эта идея, но только так можно гарантировать, что Джулия не потеряет ребенка. Помогите мне. Если вы действительно любили Альберта, как утверждаете, то помогите мне.

Глубоко вздохнув, Эш подошел к буфету и налил себе скотча.

— Мы знаем вас с тех пор, как тебе исполнилось семь. Хоть внешне вы идентичны, у вас совершенно разные манеры. Ты не трешь правое ухо.

— Черт возьми, точно!

Он до боли потер ухо. В возрасте пяти лет Альберт оглох на правое ухо после того, как Эдвард столкнул его в холодный пруд. После того случая ухо время от времени болело и Альберт потирал его, особенно размышляя над чем-то. Обычно он думал о том, как наказать Эдварда за очередную выходку.

— И ты пьешь слишком много скотча, — сказал Локк. — Я не думаю, что ты перестал это делать.

— Нет, но я пью после того, как она ложится спать.

Эш сузил глаза.

— Ты не спишь с ней?

— Господи, с чего бы это? Я не собираюсь делать из своего брата рога носца, пусть он и мертв.

— Не могу говорить за Альберта, но я занимаюсь любовью со своей женой. Она засыпает в моих объятиях.

— Потому что ты по уши влюблен.

— Он тоже был влюблен.

Эдвард покачал головой:

— У каждого из них своя спальня. Я в безопасности.

Эш наклонил голову:

— У нас тоже.

Выругавшись, Эдвард наполнил свой бокал до краев, подошел к гостинному уголку у камина и опустился в кресло. Конечно, Джулия сказала бы ему, что он должен делить с ней постель. Если только она не посчитала его отсутствие желанием оставаться в одиночестве. Как скоро его странное поведение начнет беспокоить, напрягать и обременять ее, став причиной того, что он пытался предотвратить?

Эш и Локк присоединились к нему, усевшись в соседние кресла. Казалось, ни один из них не хотел находиться здесь, но, по крайней мере, они больше не смотрели на него так, словно он был безумен, как маркиз Марсден.

Эдвард устался на языки пламени, представляя, как он будет гореть в аду.

— Я думал остаться в Африке, отправить ей телеграмму с извинениями о задержке, но знал, что Альберт будет преследовать меня, если я оставлю ее одну перед родами. Я много слышал о мертвых, преследующих живых.

— Призрак моей матери, бродящий по болотам, — это не более чем безумная фантазия моего отца, — сказал Локк.

— И тем не менее я вырос на этой истории.

Эдвард взглянул на двух мужчин, которые были ему как братья, и спросил:

— Вы не знаете, как Альберт ласково называл Джулию?

Оба мужчины моргнули и посмотрели друг на друга, не зная, что ответить. Наконец Эш сказал:

— Альберт был из тех, кто придумывает такие имена, но я никогда не слышал, чтобы он называл ее как-то иначе, а не по имени.

— Я тоже, — признался Локк. — Вероятно, он приберегал их для интимной обстановки.

Черт возьми! Он был так уверен, что сможет выдавать себя за брата, но они говорили о стольких деталях, на которые он никогда не обратил бы внимания. За его короткий период пребывания дома ему удавалось не вызывать подозрений. Но если он останется на долгое время, потребуются большая осведомленность и серьезные усилия.

— Я не разбирался в его вещах. Просто собрал их.

Он поставил оба сундука в спальню, которую отводили ему, когда он гостил у Альберта. Следует внимательно изучить содержимое сундука.

— Может, мне попадет письмо, в котором я найду хоть какие-то ответы.

От осознания этой возможности все внутри Эдварда сжалось. Смерть оставила слишком много вопросов.

— Думал ли ты о том, — начал Эш, постукивая пальцем по бокалу, — что тебе придется отказаться от любых интимных связей? Учитывая твоё прошлое и твой неутолимый аппетит, у тебя возникнет немало трудностей. И, честно говоря, я не знаю, готов ли ты к этому. Любой намек на твоё распутство — и Джулия подумает, что Альберт ей изменяет. Из-за этого она может потерять ребенка.

— Я думал об этом и буду целомудрен, как монах, — заявил он со смешком. — Может, на самом деле все будет не так сложно, как вы себе представляете. Ни одна из дам моего сердца не присутствовала на похоронах. А ведь некоторые из них были знатного рода.

Он заметил их отсутствие, так же как и отсутствие слез на лицах тех, кто пришел проститься с Эдвардом. Ни один человек не оплакивал его смерть. Господи Иисусе, посещение собственных похорон — очень полезный опыт.

— Эдвард...

— Грейлинг, — сказал Эдвард, перебивая Локка. — Если вы не возражаете против осуществления моей затеи, вам придется признать меня графом Грейлингом. И вы должны звать меня либо Грейлинг, либо Грей, как обращались к Альберту в присутствии других. Начиная с завтрашнего дня вам следует делать это, даже когда мы остаемся наедине, чтобы потом не проговориться на людях.

Ему надо перестать думать о себе как об Эдварде. Манерами, мыслями и поступками он должен быть графом Грейлингом. По крайней мере пока Джулия не родит наследника.

А потом он сделает то, что умеет лучше всего: даст ей еще один повод ненавидеть его — раскроет правду, разбив ей сердце и разрушив ее мир.

Глава 2

Своей смертью Эдвард Олкотт добился того, чего не смог при жизни: отдалил Альберта от Джулии. С момента своего возвращения Альберт, казалось бы, искал любой предлог, чтобы избежать ее компании. Она презирала себя за то, что ревнует его к мертвецу. Из-за того, что муж был сосредоточен на брате, она начала сомневаться как в себе, так и в любви мужа.

Теперь Джулия жалела о том, что поощряла его намерение осуществить эту последнюю поездку с Эдвардом, но она знала, как муж любил путешествовать до их знакомства. Альберт же, понимая, как она волновалась, переживая, что в его отсутствие может случиться что-то ужасное, перестал отправляться в походы, а это, в свою очередь, создало пропасть между братьями. Она думала, что поездка примирит их и заставит Эдварда принять ее. В аристократических кругах ни для кого не было секретом, что они не очень-то любят друг друга. Ей становилось грустно от мысли, что они с Эдвардом не поддерживали хороших отношений перед его смертью.

Внезапно чья-то рука накрыла и сжала ее руку.

— О чем ты думаешь? — спросила ее Минерва.

Им принесли чай, но никто так и не притронулся к нему.

— Прости меня, я ужасная хозяйка.

— Ты превосходная хозяйка. В сложившихся обстоятельствах ты вообще не должна беспокоиться о том, чтобы быть гостеприимной. Ты выглядишь очень грустной. Я думаю, что тебя тревожит не только смерть Эдварда и похороны. Я выслушаю тебя, если захочешь поговорить.

Предложение озвучить свои мысли казалось ей предательством и слабостью, но, возможно, чужое мнение могло пролить свет на ее сомнения.

— Альберт сам не свой с тех пор, как вернулся.

— Все дело в печали, — заверила ее Минерва.

— Я тоже утешаю себя этим. Он кажется мне таким далеким, как будто между нами ничего нет. И это так не похоже на

него. Хотя я и чувствую себя ужасной женой из-за того, что я требую его внимания в такое время.

Но как они могли утешить друг друга, если он ел исключительно в своей комнате и не приходил к ней?

— Ты не ужасная жена. Но я сомневаюсь, что у него может быть романтическое настроение, учитывая обстоятельства.

— Я не ожидаю, что он займется со мной любовью. Я знаю, что едва ли кажусь привлекательной со своим животом. Да и он занят своими мыслями. Но он мог бы подарить мне легкий поцелуй.

Хотя бы улыбку, нежное прикосновение... И вселить в нее уверенность в том, что он все еще беспокоится о ней. Вернувшись домой после нескольких месяцев разлуки, он просто стоял и смотрел на нее, как будто видел впервые. Именно она обняла его. «Прости меня», — сказал он, и это была единственная фраза, которую он произнес при встрече. Затем, словно этого было достаточно, Альберт зашел в дом.

— Наберись терпения, — посоветовала Минерва. — Братья были очень близки.

— Я знаю. Но мы провели в разлуке четыре месяца, хотя предполагалось, что его не будет рядом только три. Смерть Эдварда задержала Альберта. Я даже не поняла, что он погиб. В телеграмме, которую прислал мне Альберт, сообщалось: «Я задерживаюсь. Вернусь, как только смогу». И лишь когда он вернулся с гробом, я узнала правду. Не разделять его тягот кажется мне странным.

— Вероятно, он просто не хотел, чтобы ты беспокоилась, учитывая твою беременность.

— Но я хочу поддерживать его. Мы всегда делили все радости и тяготы. И это лишь толика того, как он изменился после путешествия. Мне кажется, что я совсем его не знаю. Это смешно, ведь он — мой Альберт.

— На этом-то и следует сосредоточиться, дорогая. Он, несомненно, чувствует себя так, как будто потерял в джунглях половину себя. Я слышала, что между близнецами существует особая связь. Она намного сильнее обычных братских уз.

— Я знаю, ты права. Но мне кажется, что он избегает меня.

— Мужчины — странные создания. Они стараются не показывать своих слабостей. Я думаю, он боится признаться, что нуждается в тебе, и поэтому делает вид, что ты ему не нужна. Но ни в коем случае нельзя давить на него. Он заупрямится еще сильнее. Мужчины ужасно упрямые. Будь терпелива, и он сам к тебе придет.

Джулия надеялась на это. Но ей совершенно не нравилась возникшая в их отношениях непонятная странность, из-за которой она испытывала явный дискомфорт.

— Как вы с ребенком чувствуете себя?

Радуясь смене темы, Джулия не удержалась от улыбки и погладила живот.

— Замечательно. Я рада беременности, несмотря на печаль по поводу кончины Эдварда. Я верю, что этот малыш сможет играть в детской. — Она взглянула на часы на каминной полке и добавила: — Я думаю, что мы дали мужчинам достаточно времени, чтобы насладиться скотчем. Может, присоединимся к ним?

Когда они зашли в библиотеку, джентльмены встали. Их лица были мрачными, а сама атмосфера казалась несколько напряженной.

— Приносим свои извинения за свое долгое отсутствие, — сказал Альберт. — Мы погрузились в воспоминания и не заметили, как пролетело время.

— Мы так и подумали, — ответила Джулия. — Скоро подадут обед. Возможно, всем нам стоит освежиться.

— Отличная идея! — воскликнул Альберт и допил янтарную жидкость, остававшуюся в его бокале.

Стиснув челюсти, он покачал головой. Джулия вспомнила, что Альберт не разделял энтузиазма брата, когда речь шла о крепких напитках.

Отставив бокал в сторону, он подошел к ней и предложил свою руку. Джулия уловила знакомый запах бергамота. Они молча вышли из комнаты, а остальные торжественно последовали за ними. Поскольку герцог и виконт были скорее семьей, чем друзьями, Джулия отвела им спальни в семейном крыле, недалеко от хозяйских покоев.

Когда они подошли к ее двери, она повернулась к гостям:

— Давайте встретимся в библиотеке через полчаса?

— Этого времени будет предостаточно, — ответила Минерва. — Мы не собираемся снимать траурный креп.

Джулии предстоит носить траур по Эдварду, как по брату мужа, в течение шести месяцев. Даже рожая, она будет облачена в черное.

— Грей, — сказал Эшбери, кивнув Альберту, и повел жену дальше по коридору.

— Спасибо тебе за все, Джулия, — тихо произнес Локсли, прежде чем отправиться в свою комнату.

Альберт открыл дверь в ее спальню и последовал за ней. Он впервые зашел сюда после возвращения. Она не знала, почему от этой мысли все внутри нее задрожало.

Оглядевшись вокруг, он, казалось, не заметил кровать с балдахинном. Подойдя к окну, Альберт уставился на темные облака, собирающиеся вдалеке. День выдался холодным и пасмурным, но обошлось без дождя.

— У меня не было возможности поблагодарить тебя за все, что ты сделала для моего брата. Служба была прекрасна. Ты потрудилась, чтобы устроить ему хорошие проводы.

Она осторожно подошла к нему, боясь прикоснуться: он выглядел так, как будто мог разбиться от любого прикосновения.

— Мне жаль, что не удалось собрать больше людей.

Честно говоря, она была потрясена тем, как мало представителей аристократии присутствовало на службе. Если бы не слуги, которых она заставила прийти, церковь была бы пустой.

— Я думаю, это из-за расстояния и возможной грозы... — после небольшой паузы сказала Джулия.

— Думаю, Эдвард был не таким хорошим, каким себе казался.

— Мы получили много писем с соболезнованиями. Я поместила их в черный ящик и положила на стол, чтобы ты мог прочесть на досуге. Я подумала, что это, возможно, утешит тебя.

Он был полон печали и горя, чтобы обратить внимание на письма, поэтому она решила сама заняться ими.

— Думаю, да.

Он перевел взгляд на нее, и она, как всегда, утонула в темных глубинах его глаз.

— Ты очень предусмотрительна.

— Ты говоришь так, словно тебя это удивляет.

Он нервно тряхнул головой и посмотрел в окно.

— Нет, просто я... Кажется, мне не удастся оправиться после смерти брата.

— У тебя все получится. — Она погладила его по плечу и повторила: — У тебя обязательно все получится. Мне нужно присесть. Меня ужасно мучают ноги.

Он обернулся:

— Тебе больно? Почему ты ничего не сказала?

— Это всего лишь ноги. В последнее время они начали опухать. Мне просто нужно поднять их. Альберт...

Он поднял ее на руки, как будто она весила не больше пушинки, и огляделся, не зная, что делать дальше. Ее сердце колотилось, пальцы сжимали его плечи. Альберт не носил ее на руках со времен их первой брачной ночи, когда он отнес ее на кровать...

Ей стало теплее от мысли, что они снова сближаются как муж и жена. Конечно, пока что они не были на грани безумной страсти.

Широким уверенным шагом Альберт направился к кровати и положил ее так бережно, как будто она была стеклянной вазой, изысканной и хрупкой. Быстро подсунув подушки ей под спину, спросил:

— Тебе удобно?

— Да, но стула было бы достаточно.

— Где твой крючок для застегивания пуговиц?

— В верхнем левом ящике туалетного столика, но если я сниму туфли, то не смогу спуститься к обеду.

— Ты можешь пойти босиком... — Он покачал головой и отошел от кровати. — Нет, ты не пойдешь в столовую. Я принесу тебе поднос с едой.

— Я не могу игнорировать своих гостей.

Резко остановившись у двери, он сердито посмотрел на нее.

Джулия не сводила взгляда с мужа, пытаясь вспомнить, когда этот мужчина был настолько решительным, как сейчас. Она не могла понять, почему он показался ей особенно привлекательным в этот момент. Ее всегда тянуло к нему, но в это мгновение она почувствовала нечто большее. Альберт всегда полагался на Эшбери, рассчитывая на его поддержку. Не то чтобы у него были причины, но все же...

Вздыхнув, он провел рукой по волосам. Затем приблизился к кровати и взялся за столбик.

— Мы же не хотим рисковать ребенком.

Она с сожалением кивнула:

— Я устала. Последние несколько дней были изнурительными. Но я буду чувствовать себя ужасной хозяйкой, если...

— Я думаю, им будет лучше в отсутствие моей угрюмой персоны.

Его слова поразили ее.

— Ты не собираешься присоединиться к ним?

— Я не собираюсь оставлять тебя здесь в одиночестве после такого трудного дня. Только не сейчас, когда ты устала, занимаясь похоронами моего брата.

— Все будет хорошо.

— Просто хорошо — недостаточно.

Прежде чем Альберт отвернулся, ей вдруг показалось, что он покраснел.

— Давай снимем туфли, — после паузы сказал он.

Она наблюдала за тем, как он подошел к туалетному столику, снял пиджак и бросил его на соседний стул. Она заметила, что за эти несколько месяцев его плечи стали шире, а кожа под палящим африканским солнцем приобрела бронзовый оттенок. Она была поражена, когда поняла, что, несмотря на ее интересное положение, в ней зарождается желание. Как же эгоистично с ее стороны было полагать, что он не уделяет ей внимания, в то время как он делал для нее намного больше. Она хотела, чтобы их отношения стали такими же, какими были до его отъезда, но понимала, что легкость в их общении будет возвращаться медленно. Джулии оставалось лишь верить, что в конце концов все вернется на круги своя.

Альберт сел в изножье кровати и, ловко орудуя крючком, ослабил кнопки на туфлях. Затем, отложив крючок в сторону, он осторожно снял туфлю с левой ноги. Джулия болезненно поморщилась, но, пошевелив пальцами, вздохнула с облегчением.

— Боже мой, — сочувственно произнес он.

— Я знаю, они ужасно опухли. Боюсь, что скоро мои лодыжки будут выглядеть так, как будто принадлежат слону.

— Ты должна была сказать мне об этом раньше, — заявил он, медленно снимая вторую туфлю.

— Не сердись.

— Я не сержусь, — сказал он, не отводя взгляда от ее лодыжек, — я беспокоюсь о тебе, Джулия.

— То, что у меня опухают ноги, следовало ожидать. Я не думаю, что существует опасность потерять ребенка.

Он согласно кивнул и произнес:

— Передай мне одну из подушек, которые ты не используешь. — Затем, с чрезвычайной нежностью подложив подушку ей под ноги, сказал: — Мне кажется, нужно улучшить приток крови.

Он коснулся руками ее лодыжки, забрался под юбку и нашел завязки чулка. От ожидания у нее перехватило дыхание. Его пальцы находились так близко к ее интимному месту, что все обернулось сладкой пыткой. Муж медленно ослабил ленты, затем еще медленнее снял чулок и отложил его в сторону. Его руки переместились на другую ногу, и она почти растаяла. Она так отчаянно желала его прикосновений! Отложив второй чулок, он вернулся к первой ноге и начал массировать лодыжку. Его рука скользнула к колену, помассировала его, а потом вновь вернулась к лодыжке.

— Скажи мне, если будет больно.

— Мне приятно.

Кожа на его ладонях и пальцах казалась грубее, чем раньше. Она подумала о том, что он долгое время не носил перчаток. Если бы он их носил, его руки не были бы такими загорелыми.

— Мне есть за что благодарить беременность и опухшие ноги. Ты никогда прежде не массировал их.

На секунду он остановился, но затем продолжил свои мягкие и успокаивающие движения. На его лице промелькнула виноватая улыбка.

— Какой же я подлец.

Она слегка рассмеялась, чтобы подразнить его. Она скучала по этому. Скучала по возможности быть с ним без ожиданий и тягот.

— Ты также никогда не ругался при мне.

— Кажется, я перенял у Эдварда некоторые плохие привычки за время нашего путешествия.

— Вы, наверное, видели много удивительного.

Он переместил руки на вторую лодыжку и кивнул:

— О да.

— Жаль, что я не могла поехать с вами.

— Тебе вряд ли понравилось бы, если бы Эдвард засунул яйцо в твой ботинок и заставил тебя пройти в нем.

— Ты шутишь!

Он посмотрел на нее, и впервые за последнее время она не увидела печали в его глазах. В ней поселилась надежда, что траур Альберта по брату не продлится до конца его жизни.

— Это предотвращает буллезное поражение.

— Как он это узнал?

Альберт пожал плечами:

— Прочитал где-то. Он всегда много читал, чтобы обеспечить нам комфортное путешествие.

— Вы, наверное, весело проводили время вместе.

— Да. Было замечательно, а потом внезапно все оборвалось...

Она хотела приободрить его, зная, какой непростой период своей жизни он переживает, и сказала:

— Я думаю о том, чтобы назвать сына в его честь.

Он посмотрел на ее живот и отвел глаза.

— Нет, мы не назовем наследника графа Грейлинга в честь эгоистичного ублюдка. Его следует назвать в честь отца.

Она не знала, что ответить на столь гневные слова в адрес Эдварда. Альберт никогда не был так резок, когда речь шла о его брате. Даже если Эдвард позволял себе ввалиться в их

дом вдрызг пьяным или просил огромную сумму денег, потому что промотал все свое пособие. Даже когда вышибалы постучали в их дверь, так как он залез в долги, играя в азартные игры. Альберт во всем потворствовал своему брату и, казалось, считал его безответственный образ жизни достаточно безобидным. Он никогда не говорил об Эдварде плохо. До нынешнего момента. Это было так не похоже на него.

Она почувствовала, что он опять замыкается в себе, и напряглась, не желая потерять его снова. Во время массажа руки Альберта время от времени исчезали под ее юбкой, и ей стало неловко.

— Ты мой муж. Тебе не запрещается поднимать мою юбку до колен.

— Лучше не искушать себя.

Это было неуместно во время траура, но она почувствовала, как в ней зарождается легкое волнение.

— Разве я тебя искушаю?

— Мужчина всегда испытывает искушение, когда дама показывает свои лодыжки.

— Тогда во мне нет ничего особенного.

Его руки остановились, и он взглянул ей в глаза.

— Я не хотел тебя обидеть. Другие дамы давно не привлекают меня.

Она мягко улыбнулась:

— Я знаю. Я просто решила поддразнить и рассмешить тебя. Мне хочется облегчить твои страдания.

— В конце концов мы снова будем смеяться. Только не сегодня. — Он похлопал ее по лодыжкам и встал. — Мне нужно предупредить гостей, что мы не присоединимся к ним за обедом.

— Мои ноги не так уж и опухли. Если я сяду и опущу их на маленький табурет...

— Нет, будет лучше, если мы пообедаем одни. Я скоро вернусь.

Прежде чем покинуть комнату, он схватил со стула пиджак. Вздохнув, Джулия откинулась на подушки и пошевелила паль-

цами ног. «Если мы пообедаем одни...» — мысленно повторила она его слова. Теперь, когда Эдвард был похоронен, ее муж наконец вернется к ней.

* * *

У нее были такие маленькие пальчики! Несмотря на опухшие ноги и лодыжки, пальчики на ее ногах были тоненькими и нежными. Почему, черт возьми, они показались ему такими интригующими?

Войдя в библиотеку и обнаружив, что никто его не ждет, Эдвард вздохнул с облегчением. Он подошел к столу, налил себе скотча и выпил его залпом. Он обязан выполнить свои обещания. Джулия не должна ни на минуту усомниться в преданности графа. Ему же надлежит быть осторожнее и не упоминать женские лодыжки, бедра и другие прелести, чтобы не выглядеть человеком, который находит других женщин привлекательными. Хотя в тот момент привлекала его только Джулия. Тем не менее ему не следует поддаваться своим желаниям и пользоваться ситуацией. Он быстро выпил еще один бокал скотча.

К тому же он должен держать под контролем свое желание выпить. Он мог выпивать еще пару дней, заливая горе, но сомневался, что Джулия когда-либо видела Альберта пьющим. Если он напьется, то может совершить ужасную ошибку и раскрыть тайну. Хотя, что вполне вероятно, это может случиться, даже если он будет трезвым.

Он подошел к столу и провел пальцем по блестящей скалупке из черного дерева. Ему казалось, что она всегда стояла на столе брата. Раньше он часто бывал в поместье, но никогда не жил здесь, особенно после того, как Альберт женился на Джулии. Поместье закрыли, когда умерли их родители, но по достижении Альбертом совершеннолетия брат приехал в Эвермор, нанял новую прислугу и вновь открыл его. Эдвард знал нескольких слуг по имени, но на остальных не обращал никакого внимания. А вот Альберт наверняка помнил их всех по именам. Боже, он увяз в болоте. И ему придется ступать очень осторожно.

Он вернулся к столу, потянулся к графину и остановился, обхватив пальцами хрупкий хрусталь бокала...

Выругавшись, он поднял его и бросил в стену. Стакан разбился на множество маленьких осколков, и янтарная жидкость потекла вниз по темному дереву панели.

— Не так-то легко быть тобой, брат.

Еще раз выругавшись, он увидел Локка. К счастью, рядом не оказалось Эша с женой. Еще чуть-чуть, и он рассказал бы, какие тоненькие пальцы у Джулии. Как будто Локку было не все равно.

— Она устала. Мы не присоединимся к вам за обедом.

— Ты боишься, что мы ошибемся.

Он провел рукой по волосам.

— Скорее, что ошибусь я сам.

— Три уху, — сказал Локк, приближаясь к нему. — Три уху, когда собираешься провести рукой по волосам.

— Точно.

Он сделал это сейчас, зная, что было слишком поздно. Альберт потирал уху, прежде чем заговорить, а не после.

Локк присел на край стола и сказал:

— Мне кажется, она сильнее, чем ты думаешь.

Но пальцы на ее ногах были такими крошечными и тоненькими. И ее шелковистая кожа... Он только и думал, что о ее лодыжках и коленках.

— Я не могу так рисковать. Ребенок — это все, что осталось от моего брата.

Он не мог объяснить, что со смертью Альберта в его груди появилась дыра. Он хотел, чтобы этот ребенок выжил, потому что Альберт желал того же.

— Я был младенцем, когда умерла моя мать, — тихо произнес Локк. — Меня вырастил отец, который постоянно оплакивал ее утрату. Ничто не заменит ее.

— Я не хочу, чтобы он стал заменой. Но я обязан принести эту жертву ради Альберта. Я уже принял решение, и, как бы искусно ты меня ни переубеждал, оно не изменится.

Локк перевел взгляд на беспорядок в библиотеке:

— Тебе придется умерить свой пыл.

Эдвард усмехнулся:

— Я бы сказал, что мне придется сделать больше... Альберт никогда не выходил из себя.

Услышав шаги, он повернулся к двери и увидел входящих герцога и герцогиню. Локк был частично прав относительно причин, по которым Эдвард не хотел спускаться к обеду. Он боялся, что герцогиня, будучи весьма проницательной особой, раскусит его.

— Джулия устала за последние несколько дней, — пояснил он, — поэтому мы не присоединимся к вам за обедом.

— Полагаю, она будет обедать в своей спальне, — сказала герцогиня. — Возможно, мне следует составить ей компанию и дать вам время пообщаться с друзьями, дабы наверстать упущенное.

Он потер ухо и ответил:

— Я благодарен вам за предложение, но мы уже успели наговориться. Я слишком долго находился в разлуке с женой и собираюсь побыть с ней. Встретимся за завтраком.

Он посмотрел на Эша и увидел в его глазах одобрение. Не то чтобы он добивался этого, но, судя по всему, ему удалось вести себя так, как это сделал бы Альберт. Только бы у него получалось делать то же самое, проходя жизненный лабиринт брата и его графини.

Глава 3

Джулия чувствовала себя намного лучше. Массаж Альберта, казалось, сотворил чудо. Кроме того, после его ухода она позвала служанку, которая помогла ей выбраться из крепового платья, и надела мягкую ночную рубашку и накидку. Хотя ей нравились визиты гостей, возможность просто расслабиться в компании мужа привлекала ее больше.

Сидя в обитом бархатом кресле у камина, она поставила ноги на низкий табурет и пошевелила пальцами. И тут же вспомнила о мозолистых руках, гладивших ее с такой уверенностью, словно они делали это тысячу раз, хотя Альберт никогда

От автора

Мои дорогие читатели!

Когда я придумывала историю об Эдварде, я знала, что она будет непростой. Во-первых, я должна была убедиться в том, что вы не влюбитесь в Альберта прежде, чем я убью его. Но в то же время мне не хотелось делать его плохим персонажем. Я также знала, что британское законодательство тех времен запрещало мужчине вступать в брак с вдовой брата.

Но я не думала, что мужчина мог жениться на жене своего брата только в воображении писателя любовных романов. Поэтому я провела некоторые исследования. Они были захватывающими. Я узнала историю о том, что женщину посадили в тюрьму за то, что она вышла замуж за мужа ее покойной сестры. Не знаю, почему мужчина вышел сухим из воды, но такова жизнь. Я обнаружила, что некоторые люди женились в приходах, где их не могли узнать, и не раскрывали свое родство. Это означало, что у них имелись документы о женитьбе, но на самом деле они не были женаты с юридической точки зрения. Чтобы аннулировать такой брак, нужен был лишь один оппонент. Затем я узнала, что обеспеченные люди могли отправиться в Швейцарию или Норвегию и связать себя узами брака в странах с более снисходительными законами. Однако подобный выход из ситуации был достаточно дорогим, и не все могли его себе позволить.

В течение шестидесяти пяти лет члены парламента боролись за изменение этого закона. Наконец в 1907 году был принят билль, который позволял сестре умершей женщины выйти замуж за зятя.

И лишь в 1921 году вышел билль, который позволял мужчине жениться на жене своего умершего брата. Мне нравится

думать, что Эдвард и Джулия все еще были живы в тот момент и стали свидетелями того, как закон вступает в силу. Честно говоря, я не уверена, что их сыну позволили бы наследовать титул и имущество, ведь они обошли закон и поженились в другой стране, но я пишу художественные произведения и поэтому надеюсь, что вы окажете мне любезность и поверите в то, что Эдвард Альберт стал следующим графом Грейлингом. Несмотря ни на что, Эдвард и Джулия хотели, чтобы их дети прожили здоровую, долгую и счастливую жизнь. Поэтому я торжественно заявляю, что так и произошло.

Приятного чтения,

Лорейн

Літературно-художнє видання

ХИТ Лорен
Гіркий присмак його поцілунків
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 19.10.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 19,96. Наклад 9000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ХИТ Лорен
Горький привкус его поцелуев
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 19.10.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 9000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Джулія була тією жінкою, яку Едвард бажав протягом усього життя. Єдиний поцілунок, заборонений і неймовірно солодкий, — усе, що лишилося в чоловіка після тієї зустрічі в саду. Тоді дівчина думала, що дарує своє тепло коханому Альбертові, брату-близнюку Едварда. Смак губ Джулії ще й досі терзає серце героя. Альберт раптово помирає, а брату випадає шанс стати законним чоловіком коханої. Перед ним постає жорстокий вибір: солодкий обман чи гірка правда?

Хит Лорен

X52 Горький привкус его поцелуев / Лорен Хит ; пер. с англ. К. Меньшиковой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 304 с.

ISBN 978-617-12-4117-6

ISBN 978-0-06-239103-2 (англ.)

Джулия была той женщиной, которую Эдвард так страстно желал всю жизнь. Их единственный поцелуй, запретный и оттого невероятно сладкий, — все, что осталось у Эдварда после той встречи в саду. Тогда девушка думала, что дарит свое тепло возлюбленному Альберту, брату-близнецу Эдварда. Медовая сладость губ Джулии спустя годы все еще терзает сердце Эдварда. Внезапно Альберт умирает, и брату выпадает шанс стать законным мужем любимой женщины. Но выбор жесток: сладкий обман или горькая правда?

УДК 821.111
ББК 84.7США